

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVI

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
(География, этнография, история)

Книга 3

Москва
Главная редакция восточной литературы
1989

А. П. Терентьев-Катанский

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ РУССКИМИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯМИ

(по материалам архивов Русского географического общества
и Ленинградского отделения ИВ АН СССР)

Роль ученых России в исследовании Центральной Азии очень велика. Английский путешественник начала нашего века Дуглас Каррутерс, посетив этот регион, констатировал, что «русские исследования были систематическим предприятием, частью того огромного плана, который был задуман Русским географическим обществом под руководством его высокоодаренного вице-президента П. П. Семенова» [18, с. 9].

Знакомство русских с Центральной Азией восходит к XVII в. Значительный шаг в ее исследовании был сделан в эпоху Петра I, когда было положено начало научному востоковедению в России.

Однако подлинный расцвет в изучении Центральной Азии наступает в XIX в. Он характеризуется прежде всего тщательным изучением древних письменных источников. Здесь следует упомянуть имя первого русского китаиста — Н. Я. Бичурина. Его труды «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «Записки о Монголии», «История Тибета и Хухунора», основанные на глубоком изучении первоисточников, до сих пор не утратили своего значения.

Исследования Центральной Азии в XIX — начале XX в. возглавили два учреждения — Русское географическое общество (РГО), основанное в 1845 г., и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, основанный в 1903 г. Экспедиции, посылаемые первым учреждением, ставили перед собой в основном географические задачи — съемка карт, планов, исследование караванных путей, но попутно и изучение этнографии и археологических памятников. Русский комитет интересовался археологией, этнографией, историей и изучением языков Центральной Азии. Наибольшее значение для изучения прошлого Центральной Азии имели посланные Географическим обществом экспедиции М. В. Певцова, Г. Н. Потанина, В. И. Роборовского, П. К. Козлова, а также направленные комитетом экспедиции М. М. Березовского и С. Ф. Ольденбурга. Кроме материалов

экспедиций Русский комитет получал сведения от лиц, проживавших в Восточном Туркестане, — Н. Ф. Петровского, Н. Н. Кроткова и некоторых других.

Материал, собранный русскими исследователями Центральной Азии, настолько велик, что выходит за рамки краткого сообщения. Автору настоящего обзора пришлось ограничиться данными документов, хранящихся в архивах Русского географического общества и Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, а также опубликованными протоколами заседаний Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии и отчетами отдельных экспедиций.

Из русских путешественников одним из первых о древностях Центральной Азии заговорил Н. М. Пржевальский в описании своего четвертого путешествия (1883—1886). Он не ставил перед собой археологических целей, но сообщил в этом плане немало интересного: «Еще красноречивее свидетельствуют путешественнику о... умерщвлении живительной влаги и о прогрессе мертвящих сил пустыни засыпанные песком некогда цветущие оазисы и города. Про многие из них известно из китайских летописей, некоторые мы видели сами; наконец, об иных слышали от туземцев, которые говорят, что в старину на площади между Хотаном, Аксу и Лобнором лежали 23 города и 360 селений, ныне не существующих... Еще и теперь жители Хотана, Керии, Ния и других оазисов ежегодно осенью и зимой ходят в песке искать оголенные бурями остатки прежних поселений. Там, как говорят, находят иногда золото и серебро» [30, с. 365].

В Черчене Пржевальский видел два города, разрушенные — один в VIII в., другой в XIII в., при Чингисхане.

В раскопках, производимых кладонскаателями в Черчене, находили иногда склепы и отдельные деревянные гробы. В тех и других набальзамированные трупы обыкновенно сохранялись очень хорошо. Тут играла роль также необычайная сухость почвы и воздуха. Трупы мужчин были большого роста, с длинными волосами. У женщин волосы были заплетены в одну или две косы. Однажды был открыт склеп с 12 мужскими трупами в сидячем положении. В другой раз был найден гроб с телом молодой девушки. Ее глаза были закрыты золотыми кружками, а голова стянута от подбородка через темя золотой пластинкой. На трупе была надета длинная, но узкая шерстяная одежда, украшенная на груди золотыми звездочками.

В том же районе часто находили украшенные золотом одежды, всегда шерстяные и узкого покроя, а также железные вещи, в том числе кетмени [20, с. 378].

О древностях на Хотандарье Пржевальский замечает следующее: «По Хотандарье такие остатки (городов) встречаются чаще на восточной ее стороне и еще более на соседней Керийской реке (Керия-дарья?), прежнее русло которой тянется... на расстояние 5—6 дней пешей ходьбы... Изредка попадаются древние кумирни с глиняными, иногда вызолоченными идолами; ...на-

конец, говорят, что в трех днях пути к востоку от лежащего на низовье Хотан-дарьи урочища Янгуз-кум стоит в песках целый город» [30, с. 471].

Сообщения Н. М. Пржевальского живо заинтересовали русских ориенталистов.

В 1889 г. в статье «Забытый путь в Китай» И. П. Минаев писал: «Не только Черчен, вся страна от Лоб-Нора до Хотана ждет специальных разысканий в историко-археологическом отношении. Станем надеяться, что почин в этом деле выпадет на долю русских путешественников и ориенталистов» (цит. по [20, с. 336]).

В числе русских путешественников, обративших внимание на следы древней культуры в Центральной Азии, был и М. В. Певцов. В организованной РГО экспедиции 1889—1890 гг., в которой участвовали известные впоследствии исследователи Центральной Азии В. И. Роборовский и П. К. Козлов он неоднократно встречал развалины старинных городов. Краткое писание их М. В. Певцов дал в путевых заметках и в своей книге «Путешествия по Восточному Туркестану, Кунь-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Джунгарии».

В 40 верстах к востоку от Яркенда М. В. Певцов отметил развалины, называемые местными жителями Коне-татар. В них были явно заметны фундаменты домов и сохранились пни от больших деревьев. Местные жители находили в развалинах уварь, обломки разных орудий, иногда золотые и серебряные вещи [3, л. 96—97].

В окрестностях Хотана Певцов упоминает две группы развалин. В одной из них, находящейся в 6 верстах к востоку от города (Хотана?), были заметны остатки глиняной стены, за которой находились фундаменты домов.

Другая группа развалин находилась в 8 верстах к юго-западу от города, на месте, где, по преданию, в IX в. стоял дворец хотанского правителя.

Близ западной окраины Черченского оазиса М. В. Певцов отметил развалины города [27, с. 225]. По дороге в Харашар он также посетил развалины большого древнего города, окруженного высоким земляным валом. Перед валом находился ров. На пространстве, огороженном валом, были заметны следы строений и развалины очень большого здания [27, с. 336—337].

То, что местные жители считали описанные Певцовым развалины китайскими, не говорит о том, что в действительности они являлись таковыми. То же самое говорили позднее и о Хара-Хото, когда П. К. Козлов спрашивал местное население, кому принадлежит город.

Г. Н. Потанин также описывал встречающиеся ему по пути развалины. В письмах к секретарю РГО А. В. Григорьеву из экспедиции 1884—1885 гг. он сообщает: «Развалины городов, которыми славится Ордос, встречаются также на окраине его. На пути из Гуйхуачена к Желтой реке мы встретили следы двух го-

родов. Одни [развалины] находятся на середине пути к Желтой реке и известны китайцам под названием Ту-чэн, другие лежат на высоком яру над самой Желтой рекой и называются у монголов Тохтохоро. Первые имеют вид земляных валов, совершенно сглаженных; Тохтохоро сохранился несравнимо лучше. Стены стоят еще местами отвесно» [2, л. 10].

Местность Боро-балгасун также обязана своим названием развалинам старого города; внутри городских стен теперь рассеяно десятка два монгольских лацуг. Кроме Боро-балгасуна указывают еще на развалины Чаган-балгасуна. Третьи следы старого города находятся также возле китайского города Юй-лин, известного у монголов под названием Темету.

Г. Н. Потанину же принадлежат первые сведения о Хара-Хото. В своей книге «Тангуты-тибетские окраины Китая и Центральной Монголии» он говорит: «Из памятников древности [торгоуты] упоминают развалины города Эргэ-хара-бурюк, которые находятся в одном дне пути к востоку от самого восточного рукава Едзина; тут, говорят, виден небольшой кэрим, т. е. стены небольшого города, но вокруг много следов домов, которые засыпаны песком. Разрывая песок, находят серебряные вещи» [29, с. 464].

В. И. Роборовский не был новичком в деле исследования Азии. Он участвовал в третьей и четвертой экспедициях Н. М. Пржевальского, а также в экспедиции М. В. Певцова (1889—1890), упоминаемой выше.

Еще будучи ее участником, он обратил внимание на рассказы местных жителей о городе «Кок-мунар» («Зеленые башни»; по Роборовскому — «Кок-муна»), на правом берегу р. Эндере: «Туземцы туда ходят и откапывают из развалин кое-какие золотые и серебряные вещи, а также драгоценные камни», — писал Роборовский (цит. по [20, с. 383]). Можно предположить, что интерес М. В. Певцова к остаткам древней культуры Центральной Азии повлиял и на В. И. Роборовского, который в 1893—1895 гг. совершил самостоятельную экспедицию.

Древности Центральной Азии вызывали у В. И. Роборовского значительный интерес. В своем отчете о ходе экспедиции [26] и в краткой заметке о древностях в Люкчунской котловине он дает первое в русской литературе подробное, насколько это было возможным, их описание [4].

В окрестностях Турфана и Люкчуна экспедиция встретила много развалин древних уйгурских городов и селений.

В 8 верстах к западу от Турфана В. И. Роборовский обнаружил развалины большого города, именуемого местными жителями Су-ван-шари. По массе сохранившихся остатков культовых зданий он заключил, что это домусульманский город.

На 2—3 версты к югу от Турфана В. И. Роборовский отметил развалины старого Турфана, окруженные толстой глинобитной стеной.

В упомянутых выше источниках есть сведения о двух горо-

дах с одинаковым названием — Асса-шари. Один из них на памяти В. И. Роборовского был совершенно разрушен, в другом городе еще сохранились здания со следами буддийской росписи.

Между Турфаном и Люкчуном находятся развалины огромного города Идикут-шари. Ко времени экспедиции Роборовского эти развалины сохранились лучше других. Город был обнесен стеной протяженностью 16 верст. В домах были сводчатые потолки. Большинство сохранившихся зданий имело два-три этажа. На внутренних и наружных стенах сохранились остатки буддийской росписи. Во многих случаях роспись эта была повреждена (исчарапаны лица). Постройки были все из сырцового кирпича. Много попадалось гигантских статуй Будды, развалин храмов и монастырей.

Раскапывая эти развалины, местные жители часто находили различные предметы обихода — старую глиняную посуду, стеклянные цветные украшения, монеты серебряные и медные, множество рукописей. Многие из этих находок приобрел Роборовский.

У западной стены города В. И. Роборовский видел большую ступообразную гробницу с круговым ходом внутри, украшенным росписью по стенам и потолку. Вне города, на восток от него, находились две группы могил в виде субурганов. Отдельные могилы были пирамидальной формы, шестигранные, с круглым отверстием в крыше и шестью нишами внутри, предназначенных для покойников.

Между Люкчуном и Идикут-шари, в ущелье, сохранилось много пещер с буддийской росписью. В них экспедиция собрала обрывки писем и рисунков на бумаге, шелке и грубом холсте.

На восток и юго-восток от Идикут-шари попадалось множество развалин. Среди них Роборовский отметил довольно хорошо сохранившийся большой храм с росписью, краски которой еще не утратили свежести.

Среди предметов, привезенных экспедицией, особого внимания заслуживают глиняные бурханы и уйгурские рукописи. Последние настолько заинтересовали Академию наук, что для детального исследования было решено отправить на место группу специалистов. Рукописи добывал не только Роборовский, но и казак Шестаков, оставленный экспедицией на Люкчунской метеорологической станции на два года.

Н. Ф. Петровский, служивший в Восточном Туркестане с 1882 г. и в 1895 г. назначенный генеральным консулом в Кашгар, также внес значительный вклад в изучение древних культур Туркестана.

С. Ф. Ольденбург в своей статье «Памяти Н. Ф. Петровского» говорит: «Интерес к современному, естественный в консуле, не ослабил в Николае Федоровиче интерес к старине. Ко времени его поселения в Кашгаре было еще мало известно о древностях в Китайском Туркестане (очевидно, речь идет о 1882 г.,

так как в 1895 г. Роборовский уже собрал свои коллекции древностей. — А. Т.-К.)... Никем еще не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что еще осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу принадлежит большая заслуга в этом деле: он первый, насколько позволили ему его сложные и трудные занятия по кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все, относящееся к прошлому края... Николай Федорович... постоянно собирал древности, посещая, когда это ему было возможно, лично места находок, или же, в местах, куда он лично не мог направиться, заставляя собирать своих агентов» [23, с. 5—8].

В заседании Восточного отделения императорского Русского археологического общества 28 ноября 1892 г. было решено связаться с Н. Ф. Петровским и просить его сообщить, не имеются ли или не могут ли быть получены в консульстве путем расспросов сведения об остатках древностей в Куче и других местах Кашгарии. К ответу Петровского был приложен лист старинной рукописи.

Рукопись была написана на бумаге песочного цвета и, по мнению С. Ф. Ольденбурга, не могла считаться особенно древней. Несмотря на сходство форм отдельных букв с известными образцами североиндийских писем, данная рукопись заключала в себе новый, доселе не встречавшийся алфавит [21, с. 81—82].

В течение осени и зимы 1892—1893 гг. Петровский прислал в Петербург свыше 100 рукописей. Приобретал он их у местных жителей и получал их из разных мест (Куча, Курля, Аксу). Н. Ф. Петровский затруднялся точно определить место обнаружения присланных им рукописей, но, по мнению С. Ф. Ольденбурга, все они были найдены в одном месте, вероятно в Кучинском округе.

Рукописи, присланные Петровским, были написаны на березовой коре, коже и бумаге. Бумага была покрыта с обеих сторон тонким слоем гипса, на котором и был написан текст, по видимому, не кистью, а тростниковым пером, так как там, где чернила сошли, в некоторых случаях остались следы нажима у краев букв.

Форма упомянутых выше рукописей — потхи, книги из длинных листов, являющиеся подражанием форме индийских книг на пальмовых листьях (слово санскритское). Сохранились отверстия посередине листов для скрепления их шнуром. Рукописи были, по индийскому обычаю, заключены между двумя дощечками. Четыре из них сохранились целиком.

По характеру письма Ольденбург разделил рукописи на две группы: индийскую и кашгарскую (последняя была известна лишь в рукописях, найденных в Кашгаре [22, с. 1—2]).

Судя по письму С. Ф. Ольденбурга Н. Ф. Петровскому, последний прислал часть своих коллекций в Петербург уже в

1893 г., т. е. год спустя после назначения его консулом [9, л. 1—2]. В числе прочих говорится о санскритской рукописи, которую Н. Ф. Петровский обещал привезти с собой.

В одном из более поздних, недатированных писем С. Ф. Ольденбург говорит, что рукописи, присланные Н. Ф. Петровским в последний раз (?), в основном на санскрите, а частью на неизвестном языке, но индийскими письменами; судя по одному из замечаний в письме, эти рукописи из Хотана [9, л. 3]. В письме (1904 г.) С. Ф. Ольденбург говорит, что среди рукописей, присланных Н. Ф. Петровским в 1903 г., большинство представляет собой отрывки из *Saddharmapundarika* [9, л. 5].

Сам Н. Ф. Петровский в своей «Записке (В. Р. Розену. — А.Т.-К) об изучении Восточного Туркестана» говорит: «Сведения об остатках в Восточном Туркестане древностей собираются мною уже давно» [8, л. 3]. Далее он сообщает, что буддийских древностей в Восточном Туркестане, в частности в Куче, очень много. Сам Н. Ф. Петровский в Куче не был, но, желая проверить сведения, помещенные в трудах Иакинфа, Риттера и Григорьева, расспрашивал приезжих жителей Кучи. Судя по их рассказам, можно заключить, что «башни без окон и дверей», которые находятся в окрестностях этого города, должны быть не чем иным, как ступами (субурганами)¹. Ввиду желания Восточного отделения императорского Русского археологического общества осведомиться о Кучинских древностях Н. Ф. Петровский послал в Кучу одного из местных жителей, поручив ему собрать сведения: где, в каких местах и какие по виду находятся там древности.

Близ самого Кашгара Н. Ф. Петровский обследовал два памятника, из которых один несомненно буддийский, другой, вероятно, тоже буддийский. Первый памятник — остаток ступы, сильно поврежденный. Она (ступа) находится в 3 верстах от Кашгара. Вокруг ступы был проведен ров, так что ее основание находилось не на поверхности земли, а на дне рва. Сложена ступа была из кирпича неправильной формы. Как рассказывали Н. Ф. Петровскому местные жители, ступу пробовали разрывать китайцы, но неизвестно, нашли ли там что-нибудь.

Другой памятник находился в 15 верстах к северу от Кашгара на большой дороге, ведущей к селению Артыш. Это — три отверстия, вырытые в толще горного отрога, и остатки стены на краю одного из оврагов, прорезавших эту местность. По преданию, в помещении с тремя окнами жила китайская царевна (подробности не указаны). Когда Н. Ф. Петровский осматривал этот памятник, он первоначально предположил, что эти отверстия — остаток подземного помещения, находившегося в кремле древнего города, и что осыпавшаяся гора, оторвав часть помещения, обнажила двери его комнат. Но, осмотрев местность, он не мог найти признаков входа. Один из сопровождавших Н. Ф. Петровского казаков вскарабкался по веревочной лестнице и заглянул в отверстие. По его словам, там находилась пе-

щера с двумя дверьми, а посредине комнаты — изображения сидящего божества. По-видимому, Петровский посетил еще раз этот памятник и обследовал его изнутри, так как более подробно сообщает о нем в своей статье «Буддийский памятник близ Кашгара» [28, с. 298]. О других, неизвестного происхождения памятниках Н. Ф. Петровский пишет, что их очень много и ни один из них не исследован.

Н. Ф. Петровский, не имея возможности посетить эти памятники, дает их краткий перечень.

Недалеко от Яркенда, почти у самого края песков, по его словам, находилось древнее поселение, носящее название Татар-кишлак; окрестная местность, почти до Хотана, носила название Татар-замин, т. е. Татарская земля.

В 25—30 верстах от Кашгара и недалеко от местности, называемой Биби-Мариам (в этом названии Н. Ф. Петровский усматривает влияние несториан), были обнаружены интересные развалины под названием Хан-уй, т. е. ханское место, ханский дом.

На северо-востоке от Кашгара, по мнению Н. Ф. Петровского, находилась некогда столица уйгуров Баласагун (Хара-Балгас?). Это его отождествление базировалось на названии местности Сугун и на наличии там развалин. Местность эта находилась в ущелье, ведущем к русской границе в Семиречье, в долину Аксяя.

В отношении изучения древностей Центральной Азии Н. Ф. Петровский в свое время считался общепризнанным авторитетом. К нему обращались за советами и Туркестанский кружок любителей археологии [7], и Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии [9, л. 6]. После смерти Н. Ф. Петровского Русский комитет на одном из своих заседаний поставил вопрос о покупке его коллекции [33].

Научное значение находок Н. Ф. Петровского побудило Русское археологическое общество поднять вопрос о снаряжении экспедиции в страны бассейна Тарима, включая не только Хотан и прилегающие к нему области, но и Кучу, Турфан и прочие места к юго-востоку от Тянь-Шаня.

После Н. Ф. Петровского начали собирать древности секретарь консульства Я. Я. Лютш, горный инженер Л. М. Белинко, составивший свою коллекцию в Кашгаре, а также С. А. Колоколов, преемник Н. Ф. Петровского на посту консула. Под влиянием Петровского начали собирать свои коллекции и иностранные исследователи [20, с. 386—387].

Д. А. Клеменц, прибыв в 1881 г. в Минусинск в качестве политического ссыльного, познакомился с основателем местного музея Н. М. Мартьяновым и стал его сотрудником. Он провел перестройку археологического отдела.

Деятельность Д. А. Клеменца как археолога началась в 1883 г. в экспедиции, исследовавшей район соприкосновения Восточного Алтая и Западных Саян в верховьях Томи и Абакана.

В 1898 г. Клеменц возглавил академическую экспедицию в Восточный Туркестан. История возникновения этой экспедиции такова: в 1896 г. в Императорское Русское географическое общество поступил мешок с обрывками китайских и уйгурских рукописей, подобранных и купленных в разных местах Турфанского оазиса, главным образом, по-видимому, в Идикут-шари и Туюк-мазаре, экспедицией В. И. Роборовского и П. К. Козлова (1894—1895) [25, с. 219]. Секретарь общества А. В. Григорьев искал возможности разобраться в содержимом мешка. Он обратился к С. Ф. Ольденбургу, который вместе с А. О. Ивановским разобрал рукописи и нашел обрывки китайские, уйгурские и двуязычные — уйгурские с санскритской транскрипцией. С. Ф. Ольденбург представил их В. В. Радлову, который очень заинтересовался ими, решил как можно скорее снарядить экспедицию в Турфан [19, с. 1235] и сделал о них доклад в Академии наук. Отделение исторических наук избрало комиссию из академиков В. В. Радлова, К. Г. Залемана и В. Р. Розена. Комиссия предложила командировать Д. А. Клеменца с женой и М. С. Андреевым для исследования главным образом Туюк-мазара и Идикут-шари, а по возможности и других мест Турфанского оазиса. Экспедиция была снабжена фотоаппаратом и инструментами для съемки эстампажей надписей.

Экспедиция выехала из Петербурга в первой половине мая 1898 г. через Барнаул, Бийск, Коши-агач в Кобдо. 15 июля экспедиция прибыла в Кобдо, 13 августа — в Гучен, оттуда направилась в Урумчи.

14 сентября экспедиция остановилась около развалин Идикут-шари. 19 сентября она направилась в Безеклик, 26 сентября выехала из Туюк-мазара по направлению к Сыркипу, откуда — в Пичан, затем опять в Сыркип, чтобы осмотреть старинное буддийское здание и угольные копи. После этого экспедиция двинулась по направлению к Люкчуну, которого достигла 30 сентября. Затем, 1 октября, Д. А. Клеменц и его спутники посетили развалины Асса-шари. 2 октября они выехали из Люкчуна, посетили линию оазисов по р. Туюк, а затем Астану. Дневник экспедиции обрывается на набросках гор около пикета Толу, куда Клеменц прибыл 27 октября. Но из письма Радлову, датированного 30 октября, следует, что экспедиция к этому времени уже прибыла к русской границе и что из Люкчуна участник экспедиции М. С. Андреев ездил осматривать Лемджийское ущелье [25, с. 223].

Основной архив М. С. Андреева хранится в Таджикской ССР. В весьма небольшом фонде Андреева в архиве ЛО ИВ АН СССР материалов, связанных с экспедицией Клеменца, не обнаружено. Сам Клеменц смотрел на эту экспедицию как на предварительную. В его распоряжении было слишком мало времени, сил и средств для систематического изучения древностей Турфанского оазиса. Он поставил себе задачей только выяснить в общих чертах, какие древности можно найти в Турфанском

оазисе и что можно впоследствии сделать для исследования этих древностей.

Экспедиция Д. А. Клеменца дала перечень мест, где сохранились памятники древности:

- 1) Яр-Хото (город на р. Яр);
- 2) пещеры против города на правом берегу реки;
- 3) пещеры погребальные в ущельях около Яра;
- 4) старый Турфан;
- 5) медресе с башней около старого Турфана, относительно которого существует легенда, что оно было некогда несторианским храмом;
- 6) развалины Идикут-шари;
- 7) развалины к востоку от Идикут-шари;
- 8) башня Тайзан в Астане;
- 9) развалины Сенгим-агыза (около входа в Сенгинское ущелье);
- 10) развалины в ущелье Сенгин;
- 11) пещеры Безеклик;
- 12) пещеры и развалины в Туюк-мазаре;
- 13) буддийская ступа в Сыркипе;
- 14) остатки древностей в Лемджийском ущелье;
- 15) развалины монастыря к югу от Люкчуна, называемые Асса-шари [25, с. 226].

Последующие экспедиции и исследования (в том числе экспедиции С. Ф. Ольденбурга) прибавили немного к этому списку:

1) древности в ущельях и на невысоких горах к северу от мусульманского Турфана — ущелье Курутка, Таллык-булак, Сасык-булак и местность Шипан;

2) ущелья к северо-западу от Безеклика, известные у местного населения под названием Бетбуха, Ходжам-булаге, Пакабулак;

3) развалины на островах болотистого озера Чикан-кол к северу от Сенгинского ущелья;

4) пещеры в боковом ущелье, выходящем в Лемджийское ущелье [25, с. 226].

Экспедиции Д. А. Клеменца трудно было доставить рукописи, образа, статуэтки, так как местные жители не знали цен на древности и продавали их неохотно. Тем не менее Клеменц все-таки привез из Турфанского оазиса некоторое количество уйгурских документов, рукописей и ксилографов.

Экспедиции не удалось снять местность из-за недостатка времени, но сам Клеменц сделал несколько набросков дороги и планов зданий. Фотографий было сделано немного, так как в условиях пещер это было очень затруднено.

Несмотря на указанные выше недочеты, значение экспедиции Д. А. Клеменца очень велико.

Уйгурские рукописи, привезенные Д. А. Клеменцем, были изданы В. В. Радловым [18, с. 1285]. Можно смело сказать, что

ряду последующих экспедиций, в том числе и экспедиции С. Ф. Ольденбурга, дали толчок материалы, полученные Д. А. Клеменцем [17, с. 8].

Интересно привести выдержку из записки, поданной в Восточное отделение Русского археологического общества в 1900 г.: «Прежде всего мы считаем нужным обследовать Турфанский округ, понимая под этим место от города Токсуна на западе до Пичана на востоке включительно и от южных склонов Тянь-Шаня на севере до Чол-тага и Куруг-тага на юге. Желательно бы было проникнуть на восток до Хами и осмотреть все имеющиеся там остатки буддийских монастырей; но и эту экскурсию мы позволим себе только в том случае, если исследование оазисов Турфанского края будет обеспечено и временем и людьми.

Рядом с задачей исследования Турфанского края ставим исследование местности, лежащей к западу от него, т. е. путь от Токсуна через Карашар (Харашар. — *А.Т.-К.*), Курлю до Кучи и исследование Кучинского округа до границ его на западе, до высоких предгорий Тянь-Шаня на севере, до озера Бабакуль и близлежащего около него местечка Шахьяр на юге.

Необходимость дополнить исследования экспедиции 1898 г. в Турфане ясна сама собой: помянутая экспедиция при малочисленности состава, весьма умеренных средствах и краткости срока пребывания не могла подробно исследовать встреченного там материала.

Что касается города Кучи и его окрестностей, а также... городов Карашара и Курли, то в большинстве дошедших до нас источников, как китайских, так и мусульманских, мы видим указание на высокую культуру этих местностей; с древнейших времен здесь процветало горное дело, и Куча была одним из центров буддизма. В окрестностях Кучи упоминают о больших и малых пещерах с изображениями 1000 Будд... Нельзя не вспомнить при этом, что в пределах той же местности, в Шахьяре, поручиком Боуэром была приобретена весьма редкая рукопись.

Дальнейшие исследования мы предполагали бы направить через Турфан или Токсу на Лоб-нор, осмотреть попутно встречающиеся развалины и остановиться там для более подробного обследования его окрестностей. От Лоб-нора естественный переход к Черченскому оазису и обследование всего пути от Черчена до Хотана включительно, с боковыми маршрутами в степь, в те местности, куда туземцы направляются за поисками древних и ценных вещей...». К сожалению, этот план не удалось осуществить в полном объеме [20, с. 367—368]. 1 ноября 1903 г. С. Ф. Ольденбург выступил на заседании Русского комитета с предложением снарядить археологическую экспедицию в Турфан и Кучу. Предложение вызвало интерес и было одобрено комитетом, который постановил подать ходатайство министру финансов об ассигновании необходимых для экспедиции средств.

В 1904 г. Д. А. Клеменц на заседании Русского комитета

заявил, что если экспедиция в Центральную Азию вообще невозможна, то следует послать М. М. Березовского в Кучу, а С. М. Дудина — в Турфан. Клеменц просил Русский комитет позволить Березовскому собрать этнографический материал по поручению и на средства Музея Александра III [31].

В Приложении III к протоколу заседания II за 1904 г. С. Ф. Ольденбург высказал ряд соображений об экспедиции в Кучу. По его мнению, центром исследования должен был быть вначале сам город Куча. Важно было выяснить путем расспросов и осмотра, в каком отношении современный город находился к старому. Следовало помнить, что многие современные святыни (мазары и т. п.) в ряде случаев были основаны на месте древних, домусульманских сооружений.

На карте Н. Ф. Петровского несколько восточнее Кучи был обозначен «старый город». По предположению С. Ф. Ольденбурга, это могла быть старая Куча. К северу от данного пункта были отмечены друг против друга в горах два древних города, один из которых был назван «старым городом Афрасиаба». К северу от современной Кучи на карте Петровского были обозначены развалины. Ольденбург считал, что к одной из групп этих развалин должны относиться расспросные данные, полученные Форсайтом, об обширных развалинах в горах, где находили обломки статуй, пещеры с фресками и другие древности. К северо-западу от города находились развалины «Мин-уй² Афрасиаба». К юго-западу от Кучи были отмечены две группы развалин — город Янтак и Тунгуз-баш Афрасиаба. На северо-востоке от города близ реки была указана «старая башня» и в том же направлении, к северу от дороги на Харашара в Кучу, было обозначено в горах место Тамга-таш, где, судя по названию, могли быть надписи. Особый интерес представляла Шахъ-яр (к югу от Кучи), где поручик Боуэр обнаружил санскритскую рукопись, и остатки старинного города с пещерами в местности Мингай (возможно, искаженное Мин-уй), не отмеченной на карте Петровского. Сверх того, Ольденбург рекомендовал обратить внимание на развалины недалеко от Марал-баши.

В 1905 г. Русский комитет послал М. М. Березовского в Кучу. В конце года он и Н. М. Березовский прибыли на место. В 1907 г. ими были присланы кальки, цветные копии фресок и фотографии. К несчастью, архив М. М. Березовского, хранящийся в ЛО ИВ АН СССР, весьма невелик. Тем не менее этот материал проливает некоторый свет на интересующую нас тему. Есть его материалы и в Государственном Эрмитаже, но они выходят за рамки данного обзора.

Сохранился список мест, где были найдены древние рукописи во время путешествия М. М. Березовского в Кучу в 1905—1907 гг.:

- 1) Он-башский Мин-уй,
- 2) Таджит-Мин-уй,

- 3) Таджит — главный храм (зачеркнуто карандашом),
- 4) Таджит — монастырь,
- 5) Кызылский Мин-уй,
- 6) Кызыл-карга [9].

Подробно описывает М. М. Березовский свое посещение раскопок П. Пеллио, происходивших весной 1907 г. По-видимому, он говорит о Субаши, где обе экспедиции встретились. Как замечает М. М. Березовский, он приехал, когда раскопки были только начаты, и уехал еще до их окончания [14, л. 19]. После того как М. М. Березовский уехал, раскопки продолжались в северной части городища (какого?) и затем вне его.

Одно из строений, называемое М. М. Березовским «тура» — «башня», особенно заинтересовало его. По его предположению, это была ступа. Обычно ступа состоит из двух террас, «тела» и верхушки [13, л. 1]. В «туре» можно было различить лишь две части. Нижняя терраса лежала, по-видимому, прямо на почве или на аморфной насыпи. М. М. Березовский высказал предположение, не служила ли аморфная масса второй террасой [13, л. 1]. Он даже сомневается, была ли она насыпана или возвышалась над находящимся перед ней двором, так как последний мог быть врезан в почву.

В Архиве ЛО ИВ АН СССР хранится также дневник путешествия М. М. Березовского за 1907 г. [10]. Собственно говоря, это даже не дневник, а ряд отрывочных записей, в которых научная информация чередуется со счетами на закупку продовольствия и инструментов для экспедиции.

Первое упоминание об археологических находках встречается на листе 9: «Купил 3 монеты... т. к. они будто бы найдены в Чепен Туре». Там же впервые упоминается местность Таджит.

На листах 14 и 15 идет подробное описание постройки, в которой М. М. Березовский предполагает буддийскую ступу. Судя по отдельным записям, эта постройка находилась где-то в районе Люкчуна. Верхняя часть сооружения была не совсем квадратной, а скорее в форме пирамиды с дугообразными ребрами. Тут же в дневнике помещено два наброска предполагаемой ступы. Далее описывается двор, примыкающий к постройке. Есть упоминание о том, что в окрестностях данного комплекса находили большие сосуды, врытые в землю.

Листы 18 и 23 содержат краткие упоминания о прибытии в Кучу 28 марта и отъезде оттуда в Кумтуру 30 апреля.

На листе 24 М. М. Березовский высказывает интересные мысли о фресках в пещерных монастырях Центральной Азии. По его мнению, фрески, начинавшие стареть, стирали и на их месте писали новые. Разница же типов живописи фресок, как считал Березовский, объяснялась не тем, что одни были написаны раньше, а другие позже, а тем, что в пещерных монастырях жили монахи разных национальностей и каждая национальная группа придерживалась своего излюбленного стиля и типа живописи. Подтверждается это, по мнению Березовского, тем, что в одном

и том же монастыре можно найти фрески нескольких стилей, но одинаковой сохранности.

На листе 27 помещена короткая заметка о поездке в Криш 16 сентября 1907 г. и о возвращении оттуда 19 сентября. Затем идет отрывок, в котором М. М. Березовский излагает свое мнение о причине упадка буддизма в округе Куча. Он считает, что буддизм погиб здесь катастрофически. Это не была гибель только одной религии, на смену которой явилась другая, но гибель всего строя жизни, всей культуры. Это была катастрофа, от которой страна одичала и обезлюдела. Некогда, как считал Березовский, округ Куча был населен «вдвое, втрое, может быть, в десять раз гуще, чем теперь». Обезлюдение нельзя приписать только обезвоживанию. Правда, все древние городища находятся на высохших арыках. Но это скорее является результатом запущенности арычного хозяйства. Катастрофа, погубившая и буддизм, и высокую культуру, могла быть только «тяжкой войной или, может быть, рядом войн, неприятельским нашествием, совершенно обезлюдившим страну и превратившим ее в пустыню».

«Приступив к детальной археологической работе, очень быстро чувствуется потребность в общем и достаточно подробном плане больших комплексов, представляющих обычно большие поселения или даже города», — пишет М. М. Березовский в данной рукописи [12, л. 5]. Возможны ли такие планы? М. М. Березовский отвечает утвердительно. По его мнению, «археолог удовлетворится совсем общим планом даже небольшой части сложного комплекса, между тем как в большинстве случаев несомненно, что общий план выразит не меньшую, а большую часть комплекса» [13, л. 7]. Такие планы составил сам М. М. Березовский в Шикшине, Безеклике, Яре и других городах.

М. М. Березовский ставит вопрос: когда выгоднее делать общий план — до или после раскопок данного комплекса? Как он считает, план, сделанный до раскопок, дает возможность:

1) сделать правильную номенклатуру зданий, что имеет чрезвычайно большое значение при сложных комплексах;

2) получить основу и систему для всякого рода предварительных работ перед раскопками: описание, фотографирование и т. д.;

3) дать систематическое изображение хода и порядка раскопок [13, л. 8—9].

Одним из наиболее интересных документов в фонде М. М. Березовского в Архиве ЛО ИВ АН СССР является альбом «Орнаменты на фресках. Китайский Туркестан, Кучарский округ» [12]. Альбом содержит зарисовки фресок и их отдельных деталей. Нумерация начинается с титульного листа. Нумерованы именно листы, а не рисунки — последние помещены с обеих сторон; иногда нумеруются развороты. Листы 2—8 представляют собой копии фресок из Таджикиста — головы богов, очень живые и красочные изображения птиц и животных, геометрические

орнаменты. Последний рисунок (лист 8) — изображение Ма-
hāraṅgirvāna. На листах 9 и 10 есть пометка «Кум-тура» (гео-
метрический и растительный орнамент, голова демона). Листы
11—16 не содержат никаких указаний на место нахождения
фресок, но, по-видимому, это та же Кум-тура (иногда пишется
слитно — Кумтура). Очень интересен рисунок на оборотной
стороне листа 14, изображающий воина в доспехах и одежде
персидского типа, а также лист 15 — голова Нагараджи. Лист
16 — очень странное изображение трехголового персонажа с
прической и фрагментом одежды монашеского типа. Лист 17
имеет пометку «Криш». За ним до листа 24 — никаких пометок,
но, по-видимому, их содержание относится к Кришу. Очень ин-
тересно изображение зеленого попугая, похожее на аналогичные
рисунки из Хара-Хото (там попугай имеет две головы). Почти
на всех фресках, относящихся к Кришу, — интересные изобра-
жения животных, связанных, вероятно, с буддийской символи-
кой или с местным фольклором.

Значительную роль в деле изучения древностей Центральной
Азии сыграл российский консул в Урумчи Н. Н. Кротков. Рус-
ский комитет неоднократно получал от него рукописи и пред-
меты, найденные в Восточном Туркестане [6, л. 1, 4, 5, 38, 39, 40].

В 1908 г. секретарь русского консульства в Кульдже
А. А. Дьяков доставил в комитет вместе с другими фрагмента-
ми две уйгурские рукописи — одну манихейскую (молитву по-
каяния), другую буддийскую (отрывок сутры Avalokiteśvara, пе-
реведенный с китайского [34]). В 1909 г. он же приобрел два
шлема, фрагмент панциря и уйгурской одежды [35]. Все это бы-
ло передано в Музей этнографии при Академии наук.

Вопрос о находках, сделанных Монголо-Сычуаньской экспе-
дицией под руководством П. К. Козлова, достаточно разработан
(см.: *Козлов П. К.* Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хо-
то. Пг., 1923; *Ольденбург С. Ф.* Материалы по буддийской ико-
нографии Хара-Хото. СПб., 1914; *Кычанов Е. И.* Звучат лишь
письмена. М., 1965; *Лубо-Лесниченко Е. И.* и *Шафранов-
ская Т. К.* Мертвый город Хара-Хото. М., 1968 — особенно биб-
лиография к последней работе). Здесь можно упомянуть лишь
о некоторых деталях.

Первое пребывание легкого разезда в Хара-Хото было пя-
тидневным. П. К. Козлов, А. А. Чернов, Н. Н. Напалков, два
казака и два проводника-монгола с интересом рыли, копали, ис-
кали на поверхности и в конце концов были вознаграждены на-
ходками — рукописями, бурханами, монетами, массой черепков,
характеризующих фарфоровые и глиняные изделия, небольшим
количеством металлических изделий и другими вещами.

Особенно удачная находка была сделана в субургане А. Это
были рукописи. Часть из них П. К. Козлов выслал секретарю
РГО [1, л. 13].

Судя по словам Козлова о том, что ночлег перед выступле-
нием в дальнейший путь будет устроен в Хара-Хото, где пу-

тешественники собираются провести одни сутки всем отрядом, можно заключить, что до этого раскопки велись лишь частью отряда [1, л. 16].

Организованная Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии экспедиция 1909—1910 гг. была возглавлена С. Ф. Ольденбургом. Перед отъездом экспедиции он проконсультировался с Грюнведелем и Пеллио, как с людьми, уже побывавшими в этих местах. Большую помощь оказал экспедиции Н. Н. Кротков, российский консул в Урумчи.

Экспедиция выехала из Петербурга 6 июня 1909 г. Руководил экспедицией, как сказано выше, С. Ф. Ольденбург. Фотографии и рисунки были поручены С. М. Дудину, съемка планов — горному инженеру Д. А. Смирнову. Наблюдать за раскопками должны были археологи В. И. Каменский и его помощник, сотрудник Керченского музея С. П. Петренко. К сожалению, во время пути оба археолога заболели и вернулись в Россию.

От Петербурга до Омска экспедиция ехала по железной дороге, от Омска до Семипалатинска — пароходом. В Семипалатинске получили заранее посланное посылками снаряжение и на тарантасах выехали в Чугучак, где наняли переводчика — Босука Темировича Хохо, служившего толмачом при ямыне.

По дороге из Чугучака в Урумчи встречалось множество курганов, но экспедиция раскопками их не занималась, так как ее работы предполагалось начать южнее Тянь-Шаня.

В долине урумчийской реки осмотрели развалины старинного города Улан-бая, сделали общий план, сняли фотографии и немного раскопали один холм, может быть, развалины храма.

Экспедиция решила начать работы не с Турфанского оазиса, а с Харашара, так как в Урумчи С. Ф. Ольденбурга убедили в том, что жара в Турфане затруднит работу. Впоследствии он убедился, что опасения эти вряд ли основательны и работа в Турфане возможна, по-видимому, круглый год.

В Ушак-тале экспедиция провела три дня, исследуя буддийскую пещеру в горах к северу от селения и развалины старинного города к югу от него. Пещера сильно пострадала от времени. Сохранились лишь слабые следы росписи, изображающей многорукого Авалокитешвара, рай будды Амиды и другие сюжеты.

За местечком Табельгу, верстах в 12 от Ушак-тала, сохранились развалины небольшого субургана и какой-то постройки. Подъезжая к Харашару, экспедиция встречала остатки старинных построек, но в настолько плохом состоянии, что даже общий план их можно было восстановить лишь с трудом. В Харашаре экспедиция не остановилась, а направилась прямо в Дензиль. С. Ф. Ольденбург пришел в ужас от работы экспедиции Ле Кока. «Это грабительство, — писал он Н. Н. Кроткову, — очень ловкое, очень умное, но не научная раскопка, а грабительство» [5, л. 8—9]. Сами развалины очень заинтересовали С. Ф. Ольденбурга, особенно с точки зрения архитектуры.

«Здесь, — писал он в том же письме, — несмотря на грабеж наших предшественников, много важного дела, хотя и увезти много не удастся, а рукописей и следов даже нет».

За Харашаром, около Шикшина (немецкие археологи и Свен Гедин применяют для обозначения этой местности название Шорчук), экспедиция осталась на более долгое время и приступила к раскопкам.

Развалины в Шикшине, по мнению С. Ф. Ольденбурга, представляют собой остатки монастыря. К северо-западу от них на склонах невысоких холмов находятся 11 пещер. Остатки фресок и скульптур указывают на тесную связь пещер с монастырем, такую же, какую проф. А. Грюнведель обнаружил относительно города Идикут-шари и пещер в ущельях к северу от Турфана [24, с. 5].

Раскопав храм *F4*, члены экспедиции убедились, что там кто-то уже вел беспорядочные раскопки. В обходном коридоре нашли скульптурную группу *Mañāraḡinirvāna*. Кроме того, была найдена неотожествленная скульптурная группа, две каменные головы и фрагменты статуй из известковой массы.

Там же найдены остатки лестницы, поделенные на три отдела. По мнению С. Ф. Ольденбурга, это лестница схождения Будды с неба.

В здании *K 9-e* (?) Д. А. Смирнов нашел очень интересные по письму фрески. Их, из-за весьма ненадежного положения открытых раскопками стен, пришлось спилить. Стиль этих фресок был настолько своеобразен, что С. Ф. Ольденбург затруднялся соотнести его со стилем живописи других районов Восточного Туркестана.

В здании *K. 13* роспись по стилю была ближе к китайской.

В здании *E 4* были найдены глиняные головки и штампы для их изготовления. По стилю они были близки к гандхарским терракотам.

Что касается пещер, то А. Грюнведель обнаружил их 10, а Ольденбург — 11.

В своем отчете С. Ф. Ольденбург отмечает пять типов пещер.

Многое из того, что еще застал А. Грюнведель, к моменту экспедиции С. Ф. Ольденбурга уже не существовало [23, с. 13]. Очень важно нахождение членами русской экспедиции рукописи на санскритском языке и геометрического орнамента, повторяющегося в Идикут-шари.

В пещере 11 сохранились изображения донаторов, по которым можно сделать ряд выводов о внешнем виде и одежде древних обитателей этих мест. Стиль скульптуры и живописи сближает Шикшин, с одной стороны, с памятниками Турфана, с другой — с памятниками Кучи. Обстоятельство это вполне объясняется историей Харашара, который в разные времена в политическом отношении становился ближе то к Турфану, то к Куче.

Покинув Шикшин, экспедиция направилась в Турфанский

округ. С. Ф. Ольденбург отмечает четыре важных объекта, подлежащих раскопкам, в Турфанской долине — Яр-Хото (Коне-шар), Старый Турфан, Идикут-шари, развалины большой ступы в Астане — и восемь объектов в ущельях гор, окаймляющих с севера Турфанскую долину.

В Яр-Хото экспедиция расчистила только один небольшой храм, причем нашли много фрагментов уйгурских и китайских рукописей и сильно попорченных образов на полотне. Там же нашли любопытные сооружения — 101 чайтья³ на общем пьедестале (см. аналогичное сооружение в Идикут-шари). Напротив острова, на котором стоит Яр-Хото, экспедиция обнаружила пещеры с остатками росписи.

В Старом Турфане, кроме развалин храма и большой чайтья, почти ничего не было обнаружено, что могло бы относиться к буддийской культуре. Преобладали остатки мусульманских сооружений. Раскопок в Старом Турфане экспедиция не делала.

В Идикут-шари С. Ф. Ольденбург обследовал группу чайтья, аналогичную группу в Яр-Хото. В одном из зданий были обнаружены интересные фрески, близкие, по его мнению, к образам «тибетского» стиля, найденным в Хара-Хото, и к старинным тибетским образам в Берлинском этнографическом музее. Большой монастырь в юго-западной части города оказался во всех отношениях аналогичен монастырям в Яр-Хото, Сенгим-агызе (по-видимому, ирано-тюркское смешанное название; «сенгин» — каменистый, «агыз» — проход, ущелье) и Туюк-мазаре.

С. Ф. Ольденбург отметил, что никто не производил съемки плана города. Это было необходимо ввиду быстрого разрушения многих зданий.

В местечке Астана была обследована большая ступа, называемая местными жителями Тайзан. Это название упоминается и в старых уйгурских документах, найденных поблизости.

Когда, по рассказам местных жителей, с Тайзана начали свозить землю на поля, внутри оказалась большая статуя сидящего божества. Местные жители разбили ее. Внутри нашли много книг, которые потом были сожжены.

Были сведения о высокой стене, тянувшейся от Тайзана до Идикут-шари. К моменту прибытия в Астану русской экспедиции она была уже разрушена.

Тайзан был глинобитным. Только ниши были выложены кирпичом. В них сохранились следы штукатурки и росписи.

С. Ф. Ольденбург заинтересовался также многочисленными развалинами, находящимися в маленьких ущельях в предгорье. Вот краткий перечень развалин, а также древностей, в них найденных.

1. Куртка (у Ольденбурга «Курутка»)

Мало исследованное место. На западном берегу реки — большой храм со статуей напротив входа (сохранился постамент со следами красной краски). На восточном берегу, за де-

ревней, виден большой комплекс развалин, точный план которых нельзя выяснить без раскопок. Выше по ущелью чайтья и между ними разного рода подземные ходы и сводчатые помещения, назначение которых пока неясно.

2. Таллык-булак

Пещеры и здания этого ущелья сильно разрушены. Экспедиция сняла планы и фотографии. Кроме того, там, где общая композиция фресок была нарушена сделанными ранее вырезками или естественным разрушением, С. Ф. Ольденбург выпиллил несколько образцов.

3. Сасык-булак, Шипан

Шипан — большие развалины, где германская экспедиция нашла много христианских рукописей. В Сасык-булаке роспись многих пещер напоминает росписи в Идикут-шари.

4. Сенгин-агыз (дословно «каменное ущелье», у Ольденбурга «Сенгим-агыз»)

Ущелье это лежит к северу от Караходжа и необыкновенно богато любопытными остатками древности. К несчастью, к моменту посещения ущелья русской экспедицией здания заплыли глиной и многие пещеры обвалились. Поэтому, по мнению С. Ф. Ольденбурга, развалины могли бы дать богатый научный материал лишь при самом внимательном и кропотливом исследовании. Одно из зданий привлекло особый интерес С. Ф. Ольденбурга. В нем были обнаружены остатки статуи божества (по его мнению, Авалокитешвара или Майтрейа). Пол помещения был расписан под пруд. С обеих сторон пьедестала статуи — картуши со «стилизованнными» китайскими иероглифами (по мнению П. Пеллио, А. И. Иванова и В. М. Алексеева, это выдуманные знаки, но, может быть, это неизвестное письмо). Судя по описанию С. Ф. Ольденбурга, это помещение могло изображать рай будды Амиды.

В развалинах обнаружено несколько листов уйгурских рукописей и ничтожные фрагменты санскритских.

Монастырь № 7, обнаруженный в Сенгим-агыз, по типу был очень близок к монастырям в Идикут-шари, Яр-Хото и Безеклике. В другом монастыре было обнаружено много надписей, написанных центральноазиатским брахми.

5. Безеклик

В Безеклике достаточно поработали экспедиции А. Грюнведела. Русская экспедиция сняла план, во многом совпадающий с его планом, но более точный.

6. Чикан-кол

Это болотистая местность, в которой когда-то, вероятно, было больше сухих мест. На западном краю болота экспедиция ис-

следовала большой и довольно хорошо сохранившийся монастырь. Посредине главного храма — чайтья с тремя рядами ниш: по одной с каждой стороны внизу и выше — два ряда, по пять ниш в каждом. Главный храм и чайтья выходят на большой двор. Любопытно большое башенное сооружение в юго-западном углу с рядом мелких помещений. К северо-востоку от монастыря, на краю болота — мыс, на котором развалины храма и еще какие-то мелкие развалины. Посредине болота на возвышении стоял большой комплекс зданий, к моменту приезда экспедиции сильно разрушенный. В этой же местности экспедиция обследовала еще несколько зданий со статуями и пещеры с росписью.

7. Туюк-мазар

Ущелье за Туюк-мазаром до экспедиции С. Ф. Ольденбурга посетили Д. Клеменц, А. Грюнведель, А. Ле Кок, А. Stein и, как предполагает Ольденбург, некоторые другие путешественники. С. М. Дудин снял ряд фотографий, Д. А. Смирнов — план некоторых пещер и обеих этажей монастыря на правом берегу реки. Число построек и пещер в ущелье и при входе в него весьма значительно. В отчете об экспедиции С. Ф. Ольденбург сообщает, что предметы, сданные Н. Н. Кротковым в Музей антропологии и этнографии, получены им из Туюк-мазара и, по видимому, взяты из монастыря на правом берегу реки.

8. Сыркип (Лемджийское ущелье)

В селении Сыркип экспедиция С. Ф. Ольденбурга осмотрела ступу, несколько напоминающую ступу в Идикут-шари, во всех ярусах было по семь ниш. В нишах четырех верхних ярусов сохранились статуи сидящих Будд. Внутри ступы было нечто вроде винтового сводчатого хода, заканчивавшегося большим помещением. Была ли там статуя божества или книги, образа и другие предметы культа, сказать трудно.

В Лемджийском ущелье экспедиция отметила плохо сохранившиеся здания неизвестного назначения и два камня, на одном из них находились знаки, похожие на тамги, на другом — сцены из жизни Будды и китайские надписи. Из Турфанского оазиса экспедиция С. Ф. Ольденбурга направилась в округ Куча.

Первое место, которое посетила экспедиция в Куче, был Минтен-ата (у Ольденбурга — «Мин-тен-ата»). Образцы буддийского искусства, найденные там, по мнению Ольденбурга, были близки к находкам в Идикут-шари, Таллык-булаке, Сасык-булаке, некоторым древностям из Туюк-мазара и Хара-Хото. С. Ф. Ольденбург считал, что все это памятники старотибетского искусства или искусства, испытавшего непосредственное влияние старотибетского. То, что на многих памятниках часто встречались уйгурские надписи, как полагал Ольденбург, свиде-

тельствовало о том, что уйгурские мастера переняли тибетскую манеру письма, которая в известное время была популярна.

До Ольденбурга памятник Минтен-ата не упоминался в научной литературе. Между тем раскопки в этом районе могли дать интересные результаты.

В Субаши вели раскопки П. Пеллио и М. М. Березовский. Многое здесь напоминало Шикшин, но было грандиознее. В Субаши встречалось много надписей на кучарском языке.

В местности Сым-сым, в ущелье, Березовский насчитал 50 пещер, Ольденбург — 48. В долине встречались многочисленные остатки зданий, к сожалению сильно разрушенных, так что об их первоначальной форме судить было нельзя. Попадалось много черепков, в том числе один черепок с надписью брахми.

В Крише экспедиция нашла пещеры, большей частью обвалившиеся. В одной из наименее пострадавших пещер была обнаружена интересная фреска, изображавшая нападение отца зла, демона Мары на Будду.

В Кызыл-карга экспедиция насчитала более 50 пещер, по видимому, очень старинных. Предшествующие экспедиции отметили большое количество надписей на кучарском языке, но Ольденбург застал только отдельные знаки.

В Кызыле, описанном Грюнведем, экспедиция Ольденбурга нашла пещеры совершенно разоренными и в значительной мере лишенными фресок.

По возвращении из экспедиции С. Ф. Ольденбург сделал краткое сообщение о ней в Русском комитете. Он снова поставил вопрос о том, как приостановить грабительские раскопки, производящиеся отчасти по почину китайских властей, отчасти местными жителями, европейскими и японскими путешественниками. Единственным выходом, который предлагал Ольденбург, была покупка вещей на местах. Он поставил вопрос о снабжении соответствующими средствами для такого рода закупок Н. Н. Кроткова — консула в Урумчи и С. В. Сокова — консула в Кашгаре [36].

Все описанные выше мертвые города относятся к домонгольскому периоду. Наиболее поздний из них — Хара-Хото — был захвачен монголами в XIII в. Однако, говоря о древних городах Центральной Азии, интересно затронуть вопрос и о городах собственно монгольских, существовавших уже в самом начале монгольского завоевания и впоследствии ставших важными центрами Монгольской империи.

Большая часть древних монгольских городищ была обнаружена и раскопана на территории современной Тувы несколькими русскими экспедициями [15; 16].

Долгое время шел спор о месте расположения монгольской столицы Каракорум, упоминавшейся в «Юань-ши», в собрании летописей Рашид-ад-Дина, у Плано Карпини, Рубрука, Марко Поло. Месторасположение этого города определяли в пяти различных местах. Однако Абель-Ремюза, Бичурин и Клапрот по-

мещали его на Орхоне. То же говорилось и в китайских источниках [37, с. 265].

Экспедиция Н. М. Ядринцева в 1889 г. обследовала развалины большого древнего города на правом берегу Орхона, около монастыря Эрдени-цзу. Но Ядринцев ошибался, считая, что Каракорум находился не непосредственно за Эрдени-цзу, а у горы Эрени-Оло, возле Хара-Балгаса.

В. В. Радлов, основываясь на двух фрагментах древнемонгольской надписи с параллельным китайским текстом, найденных в Эрдени-цзу, отнес их ко времени Мунке-хана (1208—1259) и видел в них доказательство локализации Каракорума около монастыря Эрдени-цзу.

В 1912 г. В. Л. Котвич обнаружил в Эрдени-цзу еще три фрагмента той же надписи. Исследование Полем Пеллио текста монгольского времени, оказавшегося аналогичным упомянутым фрагментам, еще раз подтвердило, что развалины около Эрдени-цзу являются развалинами Каракорума [16, с. 130].

Археологические исследования 1948—1949 гг. окончательно решили вопрос о местонахождении Каракорума на правом берегу Орхона, в непосредственной близости к монастырю Эрдени-цзу.

Город оказался именно таким, как его описывал Рубрук — единственный из европейцев, побывавший в Каракоруме (Плано Карпини и Марко Поло знали о нем понаслышке). Совпадение результатов раскопок с описанием Рубрука в ряде случаев поразительно. Подтверждена характеристика отдельных районов города, вскрыты остатки дворца, местоположение и особенности которого в значительной мере соответствуют описанию. Рубрук сообщил о торговле хлебом, которая велась у восточных ворот города. При раскопках установлено, что именно с восточной стороны к городу примыкали большие, искусственно орошаемые пашни. Огромное количество металлических, глиняных, деревянных, костяных и стеклянных изделий и следы их производства согласуются с указанием Рубрука о ремесленных кварталах города. Сотни монет, найденных при раскопках, десятки надписей на сосудах, печати, фарфоровые и селадонные чаши — все это позволяет отнести основную толщу культурного слоя ко времени Чингизидов.

Многие считают, что Каракорум был основан в 1235 г. Однако Бичурин, а позднее Поль Пеллио, основываясь на не вызывающих сомнений источниках, считают датой основания города 1220 г. [15, с. 132].

Таким образом, мы видим, что в исследовании древних культур Центральной Азии русские ученые занимают выдающееся, если не ведущее место. Конечно, нельзя зачеркнуть достижения таких европейских и японских исследователей, как Стейн, Грюнведель, Ле Кок, Пеллио, Отани, Тачибана, но начало исследования интересующего нас района, безусловно, принадлежит русским ученым. Значительный объем археологических ра-

бот и бесспорно высокий научный способ ведения раскопок, наконец, результаты деятельности русских экспедиций в Центральной Азии говорят сами за себя.

¹ Ступа, дагоба, чортэнь, субурган — санскритское, южноиндийское, тибетское и монгольское обозначение одного и того же понятия: реликварий. Внутри субургана находятся различные предметы почитания (рукописи, статуи, погребения). То же слово обозначает не только монументальное сооружение (как в данном случае), но и небольшой реликварий, находящийся внутри храма.

² Мин(г)уй (тюрк.) — «тысяча домов», обычное обозначение большого поля развалин.

³ Чайтья (санскр.) — название формы религиозной буддийской архитектуры, близкое понятию «часовня».

Литература

1. Архив Географического общества, ф. 18, оп. I, № 52.
2. То же, ф. 46, оп. III, № 5.
3. То же, ф. 62, оп. I, № 10.
4. То же, ф. 75, оп. I, № 9.
5. Архив ЛО ИВ АН СССР, ф. 32, оп. II, № 9.
6. То же, ф. 32, оп. II, № 11.
7. То же, ф. 43, оп. I, № 2.
8. То же, ф. 43, оп. I, № 4.
9. То же, ф. 43, оп. II, № 100.
10. То же, ф. 59, оп. I, № 13.
11. То же, ф. 59, оп. I, № 21.
12. То же, ф. 59, оп. I, № 23.
13. То же, ф. 59, оп. I, № 27.
14. То же, ф. 59, оп. I, № 29.
15. Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
16. Древнемонгольские города (Киселев С. В. и др.). М., 1965.
17. Дэвлет М. А. Д. А. Клеменц как археолог.— Советская археология. 1963, № 4.
18. История и культура Востока Азии.— Центральная Азия и Тибет. Новосибирск, 1972.
19. Ольденбург С. Ф. Василий Васильевич Радлов (некролог).— Известия Российской Академии наук. Пг., 1918.
20. Ольденбург С. Ф. Исследования памятников старинных культур Китайского Туркестана.— Журнал Министерства народного просвещения. Ч. СССIII. 1904, № 6, отд. 2.
21. Ольденбург С. Ф. Кашгарская рукопись Н. Ф. Петровского.— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1892.
22. Ольденбург С. Ф. Отрывки Кашгарских рукописей из собрания Н. Ф. Петровского. СПб., 1898.
23. Ольденбург С. Ф. Памяти Н. Ф. Петровского.— Записки Российского отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 20. СПб., 1910.
24. Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914.
25. Ольденбург С. Ф. Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. Иркутск, 1917.
26. Отчет начальника экспедиции 1893—1895 гг. В. И. Роборовского. СПб., 1900.
27. Левцов М. В. Путешествия по Восточному Туркестану, Кунь-луню, северной окраины Тибетского нагорья и Джунгарии. СПб., 1895.

28. *Петровский Н. Ф.* Буддийский памятник близ Кашгара.— Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 7. СПб., 1892.
29. *Потанин Г. Н.* Тангуты-тибетские окраины Китая и Центральной Монголии. СПб., 1893.
30. *Пржевальский Н. М.* От Кяхты на истоки Желтой реки. СПб., 1888.
31. Протоколы заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии. 1903, заседание IV, пункт 71.
32. То же, 1904, заседание II, пункты 33, 34.
33. То же, 1908, заседание IV, пункт 75.
34. То же, 1908, заседание VI, пункт 74.
35. То же, 1909, заседание II, пункт 28.
36. То же, 1910, заседание III, пункты 38, 50.
37. *Ядринцев Н. М.* Путешествие на верховья Орхона и к развалинам Каракорума. СПб., 1890.